

В Лионе все, решительно все, готовы были вступить в сговор против Кардинала. По возвращении из Руана он велел арестовать маршала де Марийака. Хранитель печати был отправлен в Ангулем;¹⁹ должность Хранителя печати получил г-н де Шатонеф. Это чрезвычайно разгневало Королеву-мать. Кардинал несколько раз безуспешно пытался склонить ее к переговорам, а когда главный судья Вердепа сказал ей, что Его Высочество из-за этого пять раз даже плакал, она ответила: «Что ж удивительного? Он плачет всегда, когда этого захочет». Бонней, представлявший посланников ко Двору, человек набожный, но который всегда восхищался правлением Первого министра и которого в насмешку прозвали «Придворным ханжой», также сказал Королеве-матери, будто он видел Кардинала столь подавленным и изменившимся в лице, что его просто было не узнать. Она возразила на это, что Кардинал меняется в лице, когда ему задумается, и что ему случалось выглядеть веселым, а через какую-нибудь минуту казалось, что он вот-вот умрет. И все же, не знаю уж каким образом, между ними произошло примирение. Вскоре после этого возник тайный сговор, в котором приняли участие обе Королевы, Месье и все Гизы. Ришелье в отчаянии хотел было сложить с себя полномочия, но кардинал де Лавалетт вернул ему мужество. Г-н де Рамбуйе сумел убедить Месье; все уже полагали Кардинала погубленным, как вдруг Король стал на его сторону. Вот это событие и было названо «Днем одураченных». Произошло это в Мартынов день, после возвращения из-под Ларошели.²⁰

Маршал Марийак содержался под стражей в Рюэле,²¹ в собственном доме Ришелье. Г-н де Шатонеф доказал свою преданность Кардиналу: он велел огласить мнения членов суда лишь единожды, вместо того чтобы огласить их трижды, и затем сказал: «Вот приговор». Шатле хотел отречься от своих признаний. После этого Кардинал заявил: «Господа, надобно признать, господь умудряет судей познаниями, коими не умудряет остальных людей: я и не предполагал, что подсудимый заслуживает смерти». И в самом деле, над Марийаком чинили суд лишь на основании его приказов, которыми он вынуждал взыскивать определенные суммы с некоторых деревень Верденской округи за то, что избавлял их от военного постоя; утверждали, будто эти деньги он употребил на постройку Верденской цитадели, не получив на то никакого распоряжения. Впоследствии Шатонефу за все это хорошо заплатили. Дижонский советник Бретань был назначен за свои услуги Главным судьей в Меце. Его нашли сгоревшим: оставшись один, он свалился в горящий камин и, будучи немощным, не смог из него выбраться.

Г-жу дю Фаржи прогнали из-за ее интриг, а вояке не из-за ее любовных похождения. Она примкнула к Вотье и Беренгену, ныне Первому шталмейстеру Малой колюшши. Некоторое время она скрывалась в окрестностях Парижа, но вскоре ее обнаружили, и ей пришлось уехать подальше.